

М. ДИНОРШОЕВ

ГНОСЕОЛОГИЯ ГАЗАЛИ И ЕГО МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ

Мухаммад Газали (1058—1111) относится к числу тех мыслителей, которые оказали предопределяющее влияние на духовную жизнь мусульманского мира своей и последующей эпох, на интеллектуальную мысль Западной Европы XI—XIV вв. Он выступил как ортодоксальный идеолог победившего ислама, который распространил свою диктатуру на все области духовной жизни общества и решительно боролся против науки и передовой философии. Газали в борьбе против перипатетической философии своеобразно подытожил трехсотлетнее развитие философской мысли и во многом предопределил пути ее дальнейшего развития.

Усиление мистицизма и его победа над передовой научно-философской мыслью (к XVI в.) в значительной мере были подготовлены деятельностью Газали. Вместе с тем его деятельность стимулировала развитие и передовой философской мысли: его философские противники, в частности перипатетики, опровергая критику Газали, совершенствовали свои философские системы и, следовательно, философское мышление. С этой точки зрения правильное понимание истории нашей философии без глубокого изучения и исследования Газали невозможно. Изучение Газали необходимо и с другой точки зрения: в ретроградных кругах, дух его философии жив и поныне. Чтобы успешно бороться против него, надо хорошо знать философскую концепцию мыслителя.

Общая линия философии Газали с точки зрения исторической перспективы и по сравнению с восточным перипатетизмом и средневековым естественнонаучным материализмом, как будет показано на примере его гносеологического учения, безусловно, ретроградная, ибо направлена против передовой научно-философской мысли, служит философским обоснованием ислама, насаждает мистицизм, аскетизм и суеверие. Однако это не означает, что в его системе вовсе нет здоровых мыслей и идей. Они, конечно, есть. Это его гуманистические воззрения, критика общественных и социальных зол эпохи и др.

О Газали существует обширная литература. Однако до сих пор сущность и историческое место его философии раскрыты недостаточно. Поэтому в данной статье делается попытка более или менее обстоятельно раскрыть сущность и мировоззренческую направленность гносеологического учения мыслителя, в частности его представлений о чувственном, рациональном и интуитивном познании и о классификации наук.

* * *

Проблемы гносеологии Газали подвергает обстоятельному анализу в таких широко известных своих произведениях, как «Цели филосо-

фов» («Макосид-ул-фалосифа», написано в 1090—1094 гг.), «Опровержение философов» («Тахофут-ул-фалосифа», 1095 г.), «Возрождение религиозных наук» («Ихьеу улум-ад-дин», 1096—1105 гг.), «Эликсир счастья» («Кимиёи саодат», 1005—1007 гг.), «Избавляющий от заблуждения» («Ал-Мункиз мин-аз-Зулол», 1108 г.) и др. Судя по этим произведениям, его гносеологические представления в своем развитии прошли в основном два этапа (при этой периодизации «Цель философов» и примыкающие к нему труды, в которых автор теоретико-познавательные проблемы излагает в духе Ибн Сино, в расчет не берутся, ибо они, по признанию его самого, были лишь подготовительной работой к «Опровержению философов»).

На первом этапе (1095—1105 г.) Газали стоял на позиции познаваемости и телесного мира, и мира духовных, сокровенных сущностей. Он считал, что познание этих миров достигается на основе познавательной деятельности человеческого сердца (=душе), которое обладает своего рода «окнами», обращенными в них. «Окна» — эти суть внешние чувства и внутренняя познавательная способность человеческого сердца. Феномены и объекты телесного и духовного миров, оказавшись лицом к лицу с этими «окнами», отражаются в них, и человек познает их. В соответствии с этим Газали развивал учение о **чувственном** и **интуитивном** познании.

Для Газали чувственное познание в отличие от других мыслителей — это познание мира материальных вещей **на основе не только чувств, но и на основе разума**, где каждая познавательная сила играет совершенно определенную роль: чувства — это разведчики души, собирающие сведения о мире; воображение, расположенное в передней части головного мозга, — вестовой, собирающий сведения чувств; память, расположенная в задней части мозга, — хранитель, который отбирает у вестового на хранение все накопленные знания; разум — это своего рода везирь, которому память «докладывает» о накопленных сведениях-знаниях и который выносит решение об их истинности или ложности.¹ Именно благодаря познавательной деятельности чувств и разума, подчеркивает Газали, человеческое сердце «способно усваивать все науки и познавать все искусства», «выуживать рыб, находящихся в глубинах морей, вылавливать птиц, находящихся в небе, побеждать более сильных чем сам он животных, как-то льва, слона и лошадей».²

Вместе с тем Газали доказывал, что чувственное познание ограничено; оно не дает полного, достоверного знания о телесном мире. Что касается духовного мира, то здесь чувственное познание абсолютно беспомощно. «Большинство людей, — писал он, — считает телесный мир чувственно постигаемым, но это по своей сути ограничено и неосновательно. Они путь познания видят в чувствах, но и это ограничено».³

Эти соображения и приводят мыслителя к идее интуитивного познания.

Интуитивное познание, согласно Газали, — это такое знание, которое возникает на основе непосредственного отражения в человеческом сердце (душе) объекта познания — мира духовных сокровенных сущностей. Отражение духовного мира в человеческом сердце осуществляется благодаря тому, считает Газали, что из глубины сердца в духовный мир открыто «окно» знания, через которое во сне (когда

¹ Газали. Кимиёи саодат, Лохур, 1313 х., сах. 8.

² Там же, стр. II.

³ Там же.

чувства бездействуют) или наяву (когда человек полностью отрешается от мира сего и всецело обращает свои взоры в духовный мир) показывается сокровенное духовного мира, и сердце видит и узнает все, что окажется перед ним. Газали утверждает, что интуитивное познание также возможно на основе силы интуиции и памяти, предрасположенными к откровению, которое возникает в сердце внезапно, и человек не знает, откуда оно появилось. Он даже договаривается до того, что кому наяву откроется «внутреннее окно знания», тот «будет узревать то, что другие видят во сне, ему в прекрасных образах обнаружатся духи ангелов, он будет видеть пророков, извлекать у них пользу и получать помощь, ему раскроются духовные тайны земли и небес».⁴ Этим путем возникают знания пророков, святых и суфиев. В отличие от знания ученых, возникающего путем изучения и обучения, знание пророков, святых и суфиев льется в их сердца прямо от божьих шедрот. Поэтому такое знание интуитивно, и оно путем обучения и на основе разумных доводов не возникает.

Таковы основные положения Газали относительно интуитивного познания. Они показывают, что мыслитель правильно уловил некоторые черты интуитивного познания, а именно его непосредственность и внезапность усмотрения истины. Однако он абсолютизировал эти черты интуитивного знания, не понимая, что любому знанию, воспринимаемому на данном этапе познавательного процесса как интуитивное, предшествует упорная, кропотливая работа ума, сотни и тысячи «ошибок и проб», что подтверждается историей науки и философии, которая показывает, что процесс построения научных и философских теорий далек от голой интуиции, от интуитивизма.

На основе абсолютизации названных черт интуитивного познания Газали приходит к идее противопоставления чувственного и интуитивного знания, считая первое ограниченным, несовершенным, а второе — совершенным, абсолютным. В этом смысле он писал, что «достижение знания изучением и обучением это путь ученых. Оно тоже великое дело, но по отношению к пророческому пути, знанию пророков и святых оно ограничено, несовершенно».⁵ Противопоставление интуитивного знания чувственному и рациональному, рассмотрение его как способность пророков, святых и суфиев, выделение и понимание «внутреннего окна знания» как особой, познавательной силы сердца, не сводимой ни к чувственному опыту, ни к дискурсивному, логическому мышлению, признание объектом интуитивного знания мира не существующих духовных, сокровенных сущностей превращает теорию интуитивного познания Газали в бесплодный интуитивизм, прямо смыкающийся с мистицизмом и иррационализмом, что особенно рельефно проявляется во втором этапе развития его гносеологии.

На втором этапе (1105—1111 г.) гносеологическое учение Газали претерпело значительные изменения. Одно из них — переход мыслителя на позиции агностицизма и скептицизма, выразившегося в сомнении и отрицании познавательной мощи чувств и разума, что ясно и четко изложено в его философском завещании «Ал-Мункиз мин-аз-Зу-втором этапе развития его гносеологии.

На втором этапе (1105—1111 г.) гносеологическое учение Газали ли? Они прежде всего заключаются в его понимании «истинной природы познания». Рассуждая над этой очень трудной проблемой, Газали пишет: «И я думал про себя: «Первое, что мне нужно — это познать

⁴ Газали. Кимийн саодат, Лохур, 1313 х., сах. 12.

⁵ Там же, стр. 12.

⁶ Газали. Избавляющий от заблуждения. В кн.: С. Н. Григорян. Из истории философии Средней Азии и Ирана. М., 1960, стр. 215—216.

истинную природу вещей, а потому мне неизбежно придется искать, в чем заключается истинная природа самого познания». Мне показалось, что достоверное знание — это такое знание, когда познаваемая вещь обнаруживает себя так, что при этом не остается места для сомнений, а само оно не сопряжено с возможностью ошибки и иллюзии — когда рассудок оказывается бессильным дать оценку его достоверности. Подобное знание должно быть настолько обеспечено от ошибки, что если бы кто-нибудь, претендуя на опровержение его, в доказательство своей правоты превратил, например, камень в золото, а жезл — в змею, то и это не должно было бы вызвать никакого сомнения и колебания. Так, если бы я знал, что десять больше трех, и если бы кому-нибудь вздумалось, сказать мне: «нет, три больше, и в доказательство тому я превращу вот этот жезл в змею», и если бы он действительно проделал это на моих глазах, я все равно не усомнился бы в том, что он неправ. Подобный человек вызвал бы во мне лишь удивление по поводу того, каким образом ему удалось это проделать — сомнения же бы в достоверности моего знания он не пробудил бы никакого. Затем стало ясно: если мое знание и степень его достоверности не таковы, как об этом было сказано выше, такому знанию я не должен доверять — оно не надежно, а всякое ненадежное знание, не есть достоверное знание».⁷

Итак, один из важнейших гносеологических корней агностицизма Газали заключается в абсолютизации им грани между достоверным и недостоверным знанием, между абсолютной и относительной истиной, в противопоставлении достоверного знания недостоверному, в непонимании того, что истина есть процесс и достоверное (истинное) знание вырастает на базе недостоверного, относительной истины путем ряда приближений к истинной природе исследуемого объекта. Прав был Насириддин Туси, который, критикуя за подобные же взгляды последователя Газали Фахриддина Рози, писал, что «причина этой ошибки заключается в незнании способов возникновения понятия (т. е. знания. — М. Д.)», в непонимании того, что «познание вещей есть не одновременный акт, а имеет несколько ступеней в зависимости от своей силы и слабости, ясности и неясности, частности и всеобщности, совершенности и несовершенности».⁸

Другим не менее важным гносеологическим корнем агностицизма Газали является неправильная интерпретация проблемы «обмана чувств», которая в истории философии в зависимости от философских и мировоззренческих устремлений мыслителей служила либо обоснованием агностицизма, либо доказательством рационализма. Для Газали она стала обоснованием его агностицизма: раз чувства обманывают нас и не дают нам достоверных сведений о вещах, говорить о каком-либо достоверном знании не приходится. Но ошибка Газали в данном случае заключается в том, что он противопоставляет чувства практической деятельности и разуму и не догадывается, что человек своим разумом и своей практической деятельностью поправляет ошибки, углубляет их сведения и достигает достоверного знания. Он также не догадывается, что обманы чувств связаны либо с их физиологическим состоянием (больному сахар или мед может показаться горьким), либо с конкретной познавательной ситуацией (звезда кажется не больше динара, потому что она в силу своей отдаленности видится под меньшим углом зрения).

⁷ Газали Избавляющий от заблуждения..., стр. 213—214.

⁸ М. Диноршоев. Философия Насириддина Туси. Душанбе, «Дониш», 1968, стр. 94—95.

Отрыв разума (рассудка) от чувств и практической деятельности, уподобление его постигающей деятельности сновидению — вот третий гносеологический корень агностицизма Газали. На основе такого уподобления он приходит к выводу, что показания разума такие же бессмысленные фантазии, как сновидения. Однако это уподобление совершенно неосновательно: ведь разум свои сведения непосредственно черпает из объективной реальности, правильность или неправильность которых вполне можно доказать практическим путем. Содержание сновидений же зависит от ранее приобретенных впечатлений и представлений, хранящихся в памяти и зафиксированных в коре больших полушарий в течение жизни данного человека. Бессвязность, хаотичность и даже фантастичность сновидений, как доказывается современной наукой, обусловлены тем, что следы раздражителей, хранящихся в памяти в виде впечатлений и представлений, вступают между собой в необычные, порой нелепые связи. Последнее же обстоятельство обусловлено разобщенностью во сне различных участков коры мозга, участков торможения, коры больших полушарий мозга и подкорки. Поэтому доказывать по аналогии сновидения фантастичность, неистинность сведений разума совершенно неосновательно.

Агностицизм Газали обусловлен также отрицанием им принципов причинности, законосообразности и всеобщей связи явлений.⁹ Ибо, как писал еще Ибн Рушд, «разум есть не что иное, как постижение сущего по его причинам, ...так что, кто отрицает причины, должен отрицать и разум».¹⁰

Вторым и самым существенным изменением в гносеологии Газали было дальнейшее усиление интуитивизма в его учении, характеризующегося полным иррационализмом, что является следствием его агностицизма. Оставив всякое заигрывание с чувственным и рациональным познанием, он доказывал, будто только свет, зароненный аллахом в сердце человека, «служит ключом к достижению большинства знаний, а всякий, кто думает, что для обнаружения истины достаточно одних только доказательств, ставит узкие границы беспредельной милости аллаха».¹¹ Но дело усугубляется и тем, что Газали считал, что «Свет этот льется из щедрот божьих лишь на некоторых из живущих, и необходимо выжидать его, или, как сказал пророк: «В дни нашей судьбины господь Ваш овевает вас свежим дуновением, и вам остается только подставлять себя этому дуновению».¹²

Если вдуматься в эти положения Газали, нетрудно понять, что он насаждает гносеологическую пассивность и отрицает опытное знание, чтобы возвысить религию, насаждать слепую веру в бога, доказать правоту пророчества, божественного чуда, божественного откровения и т. п. Под пером Газали, таким образом, теория интуитивного познания превращается в теорию божественного озарения, в теорию интуитивистского знания, которая по своей сути является теологической, объективно-идеалистической и служит теоретической базой оправдания святости, пророчества, авторитаризма.

Следует отметить, что интуитивистские теории познания на протяжении всей своей истории оказались бесплодными: мыслители-интуитивисты, Газали в том числе, не открыли и не обосновали ни одну естественную закономерность явлений, не способствовали более глубокому пониманию истории, жизни, сущности и назначения человека. О

⁹ Газали. Тахофут-ул-фалосифа. Бейрут, 1962, стр. 195—205.

¹⁰ Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока. М. 1961, стр. 510.

¹¹ М. Газали. Избавляющий от заблуждения..., стр. 215—216.

¹² Там же, стр. 217.

бесплодности интуитивизма свидетельствуют и так называемые небесные книги, считающиеся божественными откровениями, но заполненные фантастическими мифами и сказками, несогласующимися с естественными закономерностями.

Бесплодность интуитивизма неслучайна. Она обусловлена тем, что философ-интуитивист, апеллируя «к необычному способу познания, к способности непосредственно и аподиктически улавливать сущность любого объекта, снимает все проблемы и избавляет себя от хлопот, связанных с анализом познавательного опыта. Провозглашая самоочевидность того, что им интуитивно «постигнуто» (или, лучше сказать, разработано), он уклоняется от критики. В том и в другом случае он избавляется от проблемы познания вместо того чтобы внести свой вклад в ее решение».¹³

Несмотря на всю свою абсурдность, интуитивизм Газали не был беспочвенным. Он имел свои гносеологические и социальные корни.

Формированию интуитивизма Газали прежде всего способствовала неправильная трактовка им природы познания, о чем речь шла выше. Мыслитель, осознав ограниченность чувственного и рационального знания и не находя критерии их совершенствования, исправления, пришел к выводу, что истинное, достоверное знание можно достичь разве только на пути интуитивизма. Не меньшую роль сыграла и абсолютизация имеющего место иногда в процессе познания момента непосредственного и внезапного усмотрения истины. Газали, ограничивающий, а затем и отвергающий познавательную мощь чувств и разума, думал, что все знания являются результатом непосредственного и внезапного усмотрения истины на основе «интуиции» и божественного откровения.

Интуитивизм Газали обусловлен также теорией и практикой суфизма, к чему он склонился в начале 90-х годов XI в. Суфии, отрешившиеся от мира сего, в состоянии экстаза могли галлюцинировать как реальные актуально не существующие духовные сущности, что давало им повод для вывода о сношении с миром духов и непосредственном усмотрении истины. Газали в последние 15—20 лет своей жизни усиленно занимался теорией и практикой суфиев и наверняка не один раз пережил состояние экстаза с галлюцинацией актуально не существующих духовных сущностей, что укрепило его веру в интуитивизм и в божественное откровение. Такая вера в эпоху средневековья поддерживалась и культивировалась всей системой общественных отношений феодального общества.

* * *

Мировоззренческая сущность гносеологической концепции Газали наиболее рельефно выражена в его концепции классификации наук. Согласно ей, науки по своему предмету и целям делятся на канонические (религиозные) и философские (рационалистические).

Канонические науки, указывает Газали в «Кимийи саодат», это науки о теории и практике религии. Они бывают двух видов: первый вид — науки, относящиеся к сердцу, второй вид — науки, относящиеся к действиям органов (тела).

Науки, относящиеся к сердцу, Газали членит еще на два: науки, относящиеся к состояниям сердца, и науки, относящиеся к вере. Разъясняя их сущность, он пишет: «Примером науки, относящейся к состояниям сердца, является обязательное знание того, что ненависть, зависть, высокомерие, подозрительность и т. п. недозволены. Второй вид

¹³ М. Бунге. Интуиция и наука. М., 1967, стр. 160.

— наука, относящаяся к вере. Заключается она в том, что если у верующего возникает какое-либо сомнение относительно веры, то он должен очистить свое сердце от него».¹⁴ Из разъяснения же содержания понятия «науки, относящиеся к действиям органов (тела)», становится ясным, что под этим понятием Газали объединяет такие религиозные «науки», как наука ритуального омовения и молитвы, наука поста, наука податей, наука паломничества, наука бракосочетания.

Общие контуры отношения Газали к философским наукам обрисованы еще в «Макосид-ул-фалосифа»¹⁵ («Цели философов») и «Тахофат ул-фалосифа» («Опровержение философов»)¹⁶. Но наиболее подробно вопрос о сущности и значении философских наук анализируется в его последнем труде «Избавляющий от заблуждения», где пишет, что философские науки распадаются на шесть разделов: математику, логику, физику, метафизику, политику и этику.

Говоря об этих науках, Газали придает особое значение вопросу о соотношении философских наук и религии, в решении которого допускает явную непоследовательность. Определяя, например, отношение математики и логики к религии, он, с одной стороны, утверждает, что математика и логика суть доказательные науки, которые «...не имеют никакого отношения к религиозным предметам ни в смысле отрицания таковых, ни в смысле утверждения», а с другой, подчеркивает, что «всякий, изучающий математику и логику, приходит в такой восторг от точности этих наук и ясности их доказательств, что о философах у него начинает складываться благоприятное мнение. Он начинает думать, что все их науки обладают тем же четким и строго аргументированным характером, как и эти науки. А затем, если окажется, что уже слышал людские разговоры об их неверии и безбожии и об их пренебрежительном отношении к шариату, такой человек сам становится богоотступником... При этом он рассуждает так: если бы истина была в религии, последняя не упряталась бы от этих людей, проявляющих такую точность в данной науке. Поэтому когда подобный человек узнает из разговоров об их неверии и безбожии, он принимается искать доводы в подтверждение того, что **истина заключается в отвергании и отрицании религии**».¹⁷ Позволительно спросить: как можно при такой постановке вопроса говорить, что математика и логика не имеют никакого отношения к религиозным предметам—ни в смысле их отрицания, ни в смысле их утверждения, если они приводят к мысли об отвергании и отрицании религии.

Но, несмотря на все это, Газали все же не решается открыто отрицать математику и логику. В чем причина этого? Ответом на этот вопрос могут быть следующие его рассуждения: «...Невежественные друзья ислама» решили, «что религии можно помочь путем отрицания всякой науки, исходящей от математиков. Таким образом, они отвергли все науки математиков и утверждали, что последние якобы проявляют в них полное невежество. Они доходили до того, что отвергали их рассуждения о солнечных и лунных затмениях, называя их противозаконными. Когда же такие рассуждения доходили до слуха человека, познавшего все эти вещи на основании неопровержимых доказательств, он проникался к философам еще большей симпатией, а к исламу презрением. Большое преступление перед религией совершают люди, решившие, что исламу можно помочь отрицанием математических на-

¹⁴ Газали. Кимиѣи саодат, стр. 54.

¹⁵ Газали. Макосид-ул-фалосифа, Кохира, 1932, стр. 3. Техрон, 1338, сах. 6.

¹⁶ Газали. Тахофат-ул-фалосифа. Бейрут, 1962, стр. 47; 190—192.

¹⁷ Газали. Избавляющий от заблуждения, стр. 223—226.

ук». ¹⁸ К таким же результатам, считает Газали, приводит отрицание логики, ибо «у логиков складывается дурное мнение не только об интеллекте отрицающего, но и о религии, которая по утверждению последнего освещает это отрицание». ¹⁹ Итак, Газали вынужден признать математику и логику только во имя спасения религии.

Относительно физики (естествознания вообще) Газали делает следующие замечания: «Что касается физики, то она заключается в изучении мира небесных сфер, их звезд и расположенных под ними простых тел — таких как животные, растения и минералы, — а также в изучении причин изменения, превращения и смешения их... При ближайшем же рассмотрении оказывается, что физика находится по отношению к религии в подчиненном положении.

В основу всей физики должно лечь понимание того, что природа подчиняется всевышнему аллаху, что она не самостоятельна, но, напротив, является послушным орудием в руках своего творца. Солнце, луна, звезды, природные тела — все подчиняется повелениям его, и в них нет ничего такого, что действовало бы само собой и само через себя». ²⁰ Все это свидетельствует, что Газали признает только канонизированную, теологизированную физику, физику, подтверждающую догмы религии. Об этом говорит и отрицание мыслителем принципа причинности, который всесторонне утверждается физикой (естествознанием). ²¹

Тенденция канонизирования наук проявляется у Газали и при объяснении содержания политики и этики. Он утверждает, что все разговоры философов о политике и этике заимствованы ими из писаний «ниспосланных аллахом посланникам своим, и из мудрых изречений, унаследованных от первых пророков (политика), а также из рассуждений суфиев, людей, достойных и непреклонных в богослужении и противодействии страстям, в следовании по пути, ведущему к всевышнему аллаху, где они сторонятся мирских наслаждений (этика)». ²²

Знакомство с социологическими произведениями философов показывает, что эти высказывания ал-Газали не соответствуют исторической правде. Философы, несомненно, испытывали на себе влияние исламской идеологии, однако нельзя свести их социологические (политические и этические) учения к одним только высказываниям пророков и суфиев. ²³

Но если Газали пытается канонизировать физику, политику и этику, то метафизику (следовательно собственно философию) он совершенно отрицает. Отрицание это мотивируется тем, что будто большинство заблуждений философов заключается именно в ней. «...Все допущенные ими (т. е. философами. — М. Д.) ошибки, — пишет Газали, — могут быть сведены к двадцати принципам, из коих три должны быть признаны противоречивыми, а семнадцать — еретическими. Для того, чтобы доказать несостоятельность их учения в этих двадцати вопросах, мы составили книгу «Опровержения», а что касается упомянутых трех вопросов, то в них философы выступили против всех мусульман. Эти вопросы излагаются в следующих их высказываниях: «Тела не воскресают, воздаяния и наказания носят духовный характер». Их высказывания верны там, где утверждается существование духовных

¹⁸ Газали. Избавляющий от заблуждения, стр. 225.

¹⁹ Там же, стр. 226.

²⁰ Там же, стр. 226—227.

²¹ Газали. Тахофут-ул-фалосифа, стр. 195—205.

²² Газали. Избавляющий от заблуждения..., стр. 228.

²³ В подтверждение этого см. Фараби. Трактат о взглядах жителей добродетельного города. М. З. Рази. Сират-ул-фалсафия; Насириддин Туси. Ахлоти Носири. Ибн Халдун. Мукаддима и т. п.

воздаяний и наказаний..., но неверны там, где отрицается существование телесных воздаяний и наказаний. Их высказывания безбожным образом противоречат шариату.

Сюда же относится и такое их высказывание: «Всевышний аллах обладает знанием об универсальном, но не об индивидуальном. Истина же заключается в том, что «от ведения его не укрывается ни одна вещь...».

Сюда относится также их высказывание об извечности и нетленности мира. Что-нибудь подобное не осмеливался еще утверждать ни один мусульманин».²⁴

Итак, отношение ал-Газали к философским наукам можно характеризовать следующим образом: 1) по отношению математики и логики он занимает компромиссную позицию; 2) физику, политику и этику пытается канонизировать; 3) метафизику отвергает как науку, в которой заключено большинство заблуждений философов. В целом же Газали постоянно возвышает религиозные науки, принимая философские. Истинными науками он считает только религиозные (канонические) науки, ибо они и только они наставляют людей на путь божий. Все эти идеи ясно и четко изложены в «Кимиёи саодат» («Эликсир счастья»), которая есть сокращенный таджикский вариант его знаменитого «Ихъё ал-улум ал-дин» (Возрождение религиозных наук). Здесь он пишет: «Только та наука является описанием и преданием тайн потустороннего мира и истин шариата, которая наставляет людей на божий путь... Но науки, изучаемые в наши дни, противоречат вере, корану и преданиям, а учителя наших дней превратили свои науки в сети, опутывающие людей мирскими делами. Общение с ними и изучение наук у них не воздерживает людей от мирских страстей.

Полезная наука только та, которой очевидно ничтожество (тленного) мира и опасность дел загробной жизни, та, которая раскрывает невежество и тупоумие тех, кто предались посюстороннему миру и отворотились от потустороннего мира, та, которая постигла опасности высокомерия, лицемерия, алчности, вожделения, любви к (бренному) миру и познала²⁵ пути избавления от них».²⁶

В трудах Газали можно найти и другой подход к проблеме классификации наук — классификация наук с точки зрения их полезности. С этой точки зрения он все науки делит на псевдонауки, которые человеку никакой пользы не приносят, и науки, полезные человеку в этом и загробном мирах. К первым относятся: колдовство, талисман, астрология и гадание по звездам; ко вторым — Коран и религиозные науки, как фикх, сунна и тафсир; лингвистические науки — синтаксис, фонетика и морфология, служащие религиозным наукам; обязательные знания — медицина, арифметика, различные ремесла и связанная с ними политика; науки о культуре — литература, история, некоторые отрасли философии, как математика и логика, некоторые отрасли физики, исключая метафизику, политика и социология.²⁷ Несмотря на внешние различия между этим и изложенным выше подходом, их суть одна — возвысить теологию и религиозные науки, принизить рационалистические. Этот подход проливает свет и на вопрос о частичном при-

²⁴ М. Газали. Избавляющий от заблуждения..., стр. 227—228. Об отношении Газали к философским наукам также см. Ибн Рушд. Опровержение опровержения. В кн.: «Избранные философские произведения мыслителей Ближнего и Среднего Востока». М., 1961, стр. 499—502.

²⁵ В тексте оригинала здесь стоит «падонад — не познала». Но оно не соответствует содержанию текста. Содержанию текста больше соответствует «бидонад — познала».

²⁶ Газали. Кимиёи саодат, стр. 55—56.

²⁷ Г. М. Керимов, Аль-Газали и суфизм. Баку, 1969.

воздаяний и наказаний..., но неверны там, где отрицается существование телесных воздаяний и наказаний. Их высказывания безбожным образом противоречат шариату.

Сюда же относится и такое их высказывание: «Всевышний аллах обладает знанием об универсальном, но не об индивидуальном. Истина же заключается в том, что «от ведения его не укрывается ни одна вещь...».

Сюда относится также их высказывание об извечности и нетленности мира. Что-нибудь подобное не осмеливался еще утверждать ни один мусульманин».²⁴

Итак, отношение ал-Газали к философским наукам можно характеризовать следующим образом: 1) по отношению математики и логики он занимает компромиссную позицию; 2) физику, политику и этику пытается канонизировать; 3) метафизику отвергает как науку, в которой заключено большинство заблуждений философов. В целом же Газали постоянно возвышает религиозные науки, принижая философские. Истинными науками он считает только религиозные (канонические) науки, ибо они и только они наставляют людей на путь божий. Все эти идеи ясно и четко изложены в «Кимиёи саодат» («Эликсир счастья»), которая есть сокращенный таджикский вариант его знаменитого «Ихъё ал-улум ал-дин» (Возрождение религиозных наук). Здесь он пишет: «Только та наука является описанием и преданием тайн потустороннего мира и истин шариата, которая наставляет людей на божий путь... Но науки, изучаемые в наши дни, противоречат вере, корану и преданиям, а учителя наших дней превратили свои науки в сети, опутывающие людей мирскими делами. Общение с ними и изучение наук у них не воздерживает людей от мирских страстей.

Полезная наука только та, которой очевидно ничтожество (тленного) мира и опасность дел загробной жизни, та, которая раскрывает невежество и тупоумие тех, кто предались посюстороннему миру и отратились от потустороннего мира, та, которая постигла опасности высокомерия, лицемерия, алчности, вожделения, любви к (бренному) миру и познала²⁵ пути избавления от них».²⁶

В трудах Газали можно найти и другой подход к проблеме классификации наук — классификация наук с точки зрения их полезности. С этой точки зрения он все науки делит на псевдонауки, которые человеку никакой пользы не приносят, и науки, полезные человеку в этом и загробном мирах. К первым относятся: колдовство, талисман, астрология и гадание по звездам; ко вторым — Коран и религиозные науки, так фикх, сунна и тафсир; лингвистические науки — синтаксис, фонетика и морфология, служащие религиозным наукам; обязательные знания — медицина, арифметика, различные ремесла и связанная с ними политика; науки о культуре — литература, история, некоторые отрасли философии, как математика и логика, некоторые отрасли физики, исключая метафизику, политика и социология.²⁷ Несмотря на внешние различия между этим и изложенным выше подходом, их суть одна — возвысить теологию и религиозные науки, принизить рационалистические. Этот подход проливает свет и на вопрос о частичном при-

²⁴ М. Газали. Избавляющий от заблуждения..., стр. 227—228. Об отношении Газали к философским наукам также см. Ибн Рушд. Опровержение опровержения. 2-я кн.: «Избранные философские произведения мыслителей Ближнего и Среднего Востока». М., 1961, стр. 499—502.

²⁵ В тексте оригинала здесь стоит «надонад — не познала». Но оно не соответствует содержанию текста. Содержанию текста больше соответствует «бидонад — познала».

²⁶ Газали. Кимиёи саодат, стр. 55—56.

²⁷ Г. М. Керимов, Аль-Газали и суфизм. Баку, 1969.

знании Газали рационалистических наук: признание это преследовало чисто утилитарные цели. Отрицание же Газали таких «наук» как козловство, талисман, астрология и гадание по звездам вполне согласуется с общими устремлениями ислама укрепить веру в божественное чудо, в единобожие.

Исходя из всего этого, мы считаем, что классификация наук, предложенная Мухаммедом Газали, носит явно **религиозно-идеалистический характер** и в своей основе противоположна взглядам философов-перипатетиков по данному вопросу.²⁸ Противоположность эта выражается в следующем. 1) Если философы-перипатетики сущность науки усматривают в познании вещей и стремлении к выполнению работ, то Газали же задачу науки главным образом видит в наставлении людей на путь божий. 2) На основании своего понимания сущности науки перипатетики членят науку на теоретическую и практическую, каждая из которых имеет несколько принципов и ответвлений. В их системе наук не нашлось места каноническим наукам. Газали же, исходя из понимания науки как наставления людей на путь божий, классифицирует ее на каноническую (религиозную) и философскую. Причем истинной наукой он считает только канонические науки. Философские же науки признаются им лишь в той мере, в какой они согласуются с религиозными (за исключением математики и логики, по отношению к которым он занимает компромиссную позицию).

Таким образом, в лице Газали и философов-перипатетиков (в частности Ибн Сино, Насириддина Туси) мы обнаруживаем два противоположных подхода к решению проблемы классификации наук — религиозно-идеалистическую (Газали) и материалистическую (перипатетики).

Но, несмотря на свою общую идеалистическую направленность и попытки подчинить философские науки вере, превратить их в служанку богословия, концепция классификации наук Газали предпочтительнее концепции голого отрицания рационалистических наук, которых в эпоху расцвета феодализма и особенно в период его упадка развелось предостаточно. Последние концепции в отличие от концепции Газали наглухо закрывали двери науке, настаивая открывая ворота веры.

Отдел философии
Академии наук Таджикской ССР

Май 1976 г.

М. ДИНОРШОЕВ

НАЗАРИЯИ МАЪРИФАТИ ҒАЗОЛИ ВА МОҲИЯТИ МАФҚУРАВИИ ОН

Назарияи маърифати Ғазолӣ дар инкишофи худ ду марҳаларо тай кардааст. Дар марҳалаи аввал (с. 1095—1105) ӯ ҳам дониши ҳиссию ақлӣ, ҳам дониши интуитивиро эътироф мекунад. Назарияи дониши интуитивии ӯ аллакай дар ҳамин марҳила хусусияти интуитивистӣ пайдо мекунад. Дар марҳалаи дуюм (1106—1111) вай дониши ҳиссию ақлиро комилан рад карда назарияи маърифати интуитивистиро ба авҷи камол мерасонад, ки хусусиятҳои асосиаш агностицизм (ба маъни ради дониши ҳиссию ақлӣ), иррационализм, ирфон ва нуфузпарастӣ (авторитаризм) мебошанд. Моҳияти идеалистии динии назарияи маърифати Ғазолӣ дар таълимоташ онд ба таснифоти илмҳо ба се равшан зоҳир мешавад. Вай илмҳои диниро илмҳои асосӣ ҳисобида, илмҳои фалсафаю табиатшиносиро хизматгори онҳо мепиндошт. Дар асоси инкори принципи сабабият ӯ кӯшидааст, ки ба илмҳои фалсафию табиатшиносӣ рӯҳи динӣ ва илоҳиётӣ бидиҳад.

²⁸ Об этом более подробно см. М. Диноршоев. Указ. раб., стр. 118—137.